

2556
13

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

МОСКВА ФЕВРАЛЬ

№ 4

Крокодил

1 9 3 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

„...А те, которые попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород“.

(Из доклада тов. Сталина на XVII съезде ВКП(б)).



КОЛХОЗНИК: — Это, хрюша, не про тебя. Тут надо понимать ИНО-сказательно...

(Тема Я. Бельского)

Рис. К. Ротов

КРЕПКИЙ ПАРЕНЬ

Федор Мукомолов, парень крепкий и стойкий, начал замечать, что на заводе в отношении его личности создается форменный подрыв авторитета. Не зная причин этого отрицательного явления и желая их выяснить, он пошел к секретарю парторганизации. Пошел, чтоб поговорить начистоту, а если надо, то и вывести кого надо на чистую воду.

— Парень я крепкий, — сказал он секретарю, — это тебе должно быть хорошо известно. Выступал всегда правильно, и по части партийной линии никто меня на замечку не брал. Живу весь, как под стекляннм колпаком. Между тем, за последнее время в отношении моей личности наблюдается явный подрыв авторитета. Все вы глядите на меня косыми взглядами, а выслушиваете иной раз даже с нехорошей ухмылкой. Можешь ты ответить, в чем тут причина? Желательно, брат, поговорить начистоту, а в случае чего, — я ведь и на чистую воду кого-нибудь выведу

Секретарь ответил:

— Это хорошо, Федор, что ты сам пришел. Побеседовать с тобой не лишнее. Дело вот в чем: первое — не хочешь ты знакомиться с техникой, а второе — как ты работаешь? Нельзя сказать, чтоб на большой с присыпкой! А?

— Не желаешь, значит, начистоту... — обиделся Мукомолов. — Ну, хорошо. Я, значит, с техникой не знаком, а у Никитина — это какая же техника? В прошлый раз расходимся мы с партсобрания, — по домам, конечно, идем, — а Никитин и заявляет: „Эх, — говорит, — не плохо бы сейчас стопочку двинуть и горяченьким закусить!“

— Ну и что ж? — спросил секретарь.

— Зашел, — тихо и с мрачной решимостью сообщил Мукомолов. — В коммерческую столовку с подачей. Не я один видел.

— Да тебе-то что? Какой тебе в этом интерес?

— Мне — никакого. Я парень достаточно крепкий: не зайду. За мной подобного не заметишь. А он зашел. После собрания прямо!

— А что ж ему: пост на себя наложить после собрания? — удивился секретарь. — Чуден ты, Федор! Никитин, заметь, — ударник, не чета тебе, и заработок у него против тебя вдвое, отчего ж ему и не зайти?..

Федор Мукомолов горько усмехнулся:

— Хорошо. Пускай, значит, так и останется. Я, конечно, техникой не владею; а жену Курносова ты на клубном вечере видел? Сплошь во всем креп-де-шиновом и в палевых тужельках. И это партийного товарища супруга! И никто ему ничего. А у меня, может, с техникой мало знакомства, но в креп-де-шины, между прочим, я не одеваюсь.

— Я тоже, — сказал секретарь. — Не пойдет ко мне. Ну, а Курносова ты оставь в покое. Какое тебе дело? Курносов, сам ты знаешь, премию получил, жена его зарабатывает порядочно: чего ей!.. Или завидуешь ее креп-де-шинам?

Мукомолов вздохнул.

— У всех заступники! Только, брат, надо начистоту. Вопрос ставится мною принципиально, а зависть не может иметь никакого места. Парень я крепкий: в креп-де-шины с воланами, будь покоен, наряжаться не вздумай. У меня вот всего-то одни штаны, да и те с дыркой.

— А ты купи другие, — посоветовал секретарь. — Без дырки.

— У тебя не спрошусь. Только они мне не нужны. Обойдусь. И без патефона обойдусь, не так, как некоторые. Да что патефон! Известно тебе, например, что Грачев из деревни сала четыре кило получил? Это с кем же, например, у него связь в деревне? А этот факт, не заслуживающий партийного внимания?

— Заслуживающий, — согласился секретарь. — У Грачева — брат колхозник, и факт свидетельствует о зажиточности колхозников. А другой факт, заслуживающий внимания, вот: не овладеваешь ты техникой и плохо ты работаешь, Федор! Совсем плохо, сам не станешь спорить. Подумай об этом, Федор!

Федор Мукомолов махнул рукой и ушел.

„Друг дружку покрывают, — думал он печально и осудительно. — Развели вокруг гниль свинячую, и рука руку моет. Конечно, крепкий парень — поперек горла таким. Одно им и остается: выжить такого поскорей. Вот и выживают. А куда пойдешь, кому скажешь?“

Над последним вопросом он размышлял долго и ответил на него отрицательно:

— Некому!

ГРАМЕН

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Завод фарфоровый „Титан“,
Учтя значение момента,
Перешагнул квартальный план
На тридцать три ноль пять процента!
Над клубом реет алый стяг,
Под ним — ударников портреты...
Но... отмечают сильный брак
И потребитель и газеты.

В отделе контроля — ударный под'ем:
— Нас кроют газеты за дело!
Мы брак уничтожим! Мы брак изживем!

Бракуйте, товарищи, смело!

Повысил качество „Титан“
И не имеет конкурентов...
Но вот беда: квартальный план
Не сдан на тридцать семь процентов!
Над клубом траурно висят
Заядлых лодырей портреты,

И о прорыве голоса
Неугомонные газеты.

В отделе контроля идет разговор:
— Нельзя браковать без пощады!
Прорыв на заводе! Беда и позор!
Полегче, товарищи, надо!

И вот опять завод „Титан“
Учел значение момента
И перекрыл квартальный план
На тридцать три ноль пять процента...
Но... вновь отмечен сильный брак,
И вновь контроль зашевелился,
И снова гордый красный стяг
Рогожным знаменем сменился...

И снова в отделе контроля — жара,
Но... я повторяться не буду.
Довольно кричать „караул“ и „ура“, —
Хорошую дайте посуду!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

МИМОХОДОМ

КОЗОБОРЧЕСТВО

В Эбенхаузене фашистскими властями закрыты

ферейны по разведению коз и кроликов в виду „преимущественно марксистского состава этих ферейнов“.

Щедринский генерал по тем же мотивам запретил куроводство, но не забыл добавить при этом:

„Куры не обидятся, а власти — спокойнее“.



ИЗ ХРОНИКИ ВЫЛЕТОВ

По заказу абиссинского короля, в Швейцарии для него изготовляется специальный аэроплан.

с королевским треном в качестве места для сидения.

Техника королевского вылета, по видимому, усложняется. До сего времени короли вылетали из своих собственных столиц без таких сложных приспособлений.



ДИП-КУЛАКИ

Немецкий боксер Макс Шмелинг по настоянию фашистов отказался от назначенного на 16 февраля в Чикаго матча с американским боксером Кингом Левинским, евреем по происхождению.

Это, кажется, еще первый случай, когда немецкие фашисты были против применения арийских кулаков по отношению к еврею.



СЛАБАЯ УГРОЗА

Индийский магараджа Тукоджи, у которого англичане

отобрали деньги и власть, об'явил голодовку.

Мы полагаем, что наличие хоть одного сытого индуса больше бы беспокоило англичан, чем присоединение к нескольким миллионам голодающих индусов еще одного, не принимающего пищи.



ПО ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В Германии

отменен во всех ресторанах кельнерский фрак как неарийская одежда.

Кельнерский фрак, по видимому, будет оставлен только для редакторов фашистских газет. Им же будут переданы салфетки через руку и права на чайные за хорошее обслуживание немногочисленных клиентов.



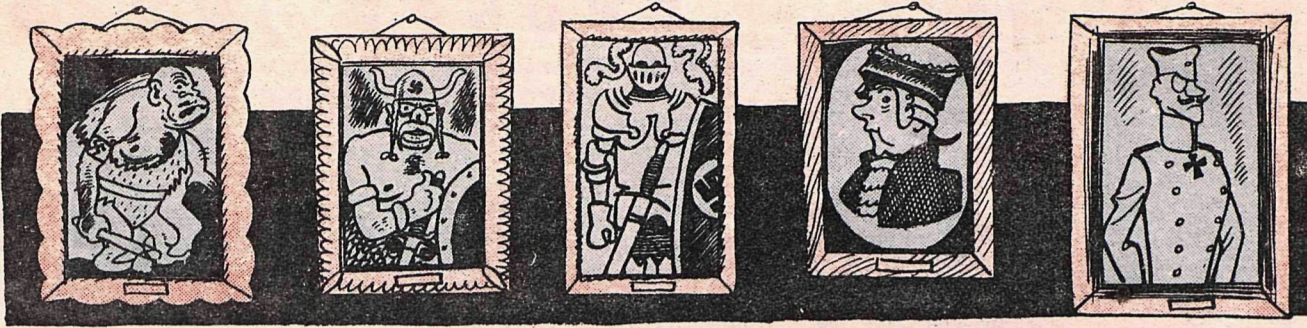
МУЛ БЕЗ ПРИВЯЗИ

Испанский политический деятель Альба Стюарт так отзывается о событиях в Испании:

„Сервантес убил Дон-Кихота. Но Санчо Панса он оставил жить. Санчо женился, развел детей, и в деревнях и городах Испании преобладает его потомство“.

Жаль, что Сервантес заодно с Дон-Кихотом не убил и мула Санчо. Тогда бы два столетия спустя этот мул не пытался бы говорить в таком тоне об испанском народе.





АРИЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

Лейтенант Вильгельм Кнобель — молод, красив и жизнерадостен.

Он счастлив, лейтенант Вильгельм Кнобель. Он наполнен восторгом так же, как наполнен искрящимся вином граненый бокал, стоящий перед ним.

Но сравнение с бокалом — опасное сравнение. Ведь...

Не будем же забегать вперед. Не станем омрачать это ясное солнечное утро.

— Гут морген, герр лейтенант. Доброе утро! Как спать изволили, герр лейтенант?

О, Вильгельм Кнобель спит крепко! Все идет хорошо. И жизнь течет плавно и безмятежно, как плавно и безмятежно текут воды родного Рейна, омывающие берега маленького тихого городишка, где проживает наш герой.

Это радостное ощущение жизни пришло к лейтенанту в прошлом году. Оно зажглось в нем ярким пламенем в тот день, когда в столице запылал рейхстаг.

Вильгельм Кнобель почувствовал цену своей крови. Бывало раньше — порежет палец или бритвой неосторожно зацепит прыщик на лице, — ну, и чорт с ним, эка важности! А теперь? Теперь не то!

Каждая капля крови Вильгельма Кнобеля — валюта! Это необычайная жидкость, составленная из лейкоцитов, гемоглобина, красных шариков и прочей медицинской ерунды.

Нет, это — арийская кровь!

Тридцать лет прожил на свете Вильгельм Кнобель и не знал, что он ариец. Может, когда-то и слышал, но не думал над этим вопросом. Не придавал ему особенного значения. Не знал, что это наподобие шерсти или кожи будет котироваться на отечественной бирже.

И вдруг — такой изумительный дар божий, такое счастье! В его роду, в роду славных Кнобелей были разные экземпляры — содержатели ночных кабаков, ревматики, монахи, дегенераты и драматурги. Но не было даже одной какой-либо завалющейся бабушки с нечистой, неарийской кровью. Каждая бабушка, каждая тетушка — прима, первый сорт! Сливочное масло без посторонних примесей!

Вот почему с такой завидной легкостью лейтенант порвал недавно с Маргаритой Клейнер. Он любил эту веселую девушку. Но что же поделать? Против доктора Циббеля не пойдешь...

Д-р Циббель, маленький близорукий человек с большими ушами, был до прошлого года зубным врачом.

После фашистского переворота он украсил свой пиджак свастикой, объявил себя антропологом и специалистом по определению расовой принадлежности.

Правда, по городу ходили тайные слухи, что почтенный доктор — еврей, принявший магометанство. Но установить этого не удалось. Тем более, что доктор за небольшой сравнительно гонорар мог всегда произвести вас в чистые арийцы, не особенно придираясь к корням вашего генеалогического дерева.

Ни один брак в городе не совершается без консультации д-ра Циббеля. К нему и обратился влюбленный лейтенант.

— Род Клейнеров, — сказал доктор, — благородный род. Но по материнской линии у вашей невесты имеется пятнышко. Один из родственников фрейлен Маргариты, умерший сто семьдесят девять лет назад, имел черные вьющиеся волосы. Так что ручаться не могу...

Этого было достаточно для Вильгельма Кнобеля.

— Вам письмо, герр лейтенант.
— Письмо? От кого бы это? Штемпель местной почты. На конверте... Странно! На конверте — неровный старческий почерк.

Герр лейтенант разрывает конверт. Герр лейтенант читает письмо. Герр лейтенант блелее салфетки. Он дрожит. Он пробует приподняться, но падает обратно в кресло в полном изнеможении. И, звеня, падает на пол бокал с вином.

Из бессильных рук лейтенанта письмо медленно летит на пол.

Не беспокойтесь. Будьте уверены, через несколько минут он придет в себя. Еще бы, в жилах Вильгельма Кнобеля течет чисто арийская кровь!

Пока же воспользуемся замешательством лейтенанта и пробежим письмо.

«Уважаемый герр лейтенант, дорогой Вильгельм Кнобель! Я, нижеподписавшийся, банкир Генрих Цуккер имею честь доложить вам, что господу богу, зиждителю мира сего, угодно было ровно тридцать один год тому назад, чтоб ваша покойная матушка, царствие ей небесное, согрешила со мной, изменив своему законному супругу. Тот же вышеупомянутый господин бог, чьи пути неисповедимы, счел за благо, чтоб в результате этого неоспоримого факта прелюбодеяния появился на свет герр лейтенант Вильгельм Кнобель. При чем считаю нужным присовокупить, что в данной истории имеется один штрих, который может вызвать ваше недовольство. Насколько вам известно как обитателю нашего города, я, — в чем лично ничуть неповинен, — я — человек сугубо семитского происхождения, чего, даже имея на то страстное желание, исправить не могу. Единственно, что я могу, больше никогда не огорчать вас напоминанием о моих близких родственниках отошедших к вам, и тайна сия уйдет вместе со мной в могилу, куда уже независимо от моих желаний влечет меня старческий возраст, усугубленный плохим здоровьем. Если вас могут заинтересовать мои дела, то я счастлив сообщить вам, что мое состояние оценивается в десять с лишним милли-

онов марок, и они — близок день — достанутся тому, кто по праву назовет меня своим отцом, игнорируя суетную молву и предрассудки. В ожидании вашего ответа, готовый к услугам

ГЕНРИХ ЦУККЕР.

P. S. Других наследников у меня нет. Жду вас сегодня у себя в конторе ровно в 6 час. дня».

...Лейтенант в бешеной ярости бегаёт по комнате. Кажется, что весь запас арийской крови прилил к его лицу. Он готов всех на свете растерзать!

— Хороша и мамаша, царствие ей небесное! Уж если ей угодно было наставить рога этому старому идиоту Кнобелю, не могла выбрать другого миллионера!

— Что делать? Оказывается, я, лейтенант Вильгельм Кнобель, еврей! Подумать только, это мои предки совершили исход из Египта и вместо сосисок питались какой-то манной! Выходит, что еще до Вильгельма Гогенцоллерна я имел своим царем музыканта Давида!

— Что делать? Мой бог! Иисусе!. Иисусе? Да разве он может понять и посочувствовать? Сам-то он тоже далеко не ариец. Даже пожелать некому! А что, если у папы римского — еврейская мама?..

Весь день лейтенант метался по комнате. Ровно в пять тридцать он вышел из своего дома. На улице он продолжал усиленно думать.

— Десять миллионов — все-таки не шутка. Я — весь в долгах, точно птица в перьях. Старикашка-банкир (папаша!) скоро протянет ноги. Я стану миллионером, укачу в Америку, в Калифорнию. Заживу богатой, счастливой жизнью. Чорт с ней, с арийской кровью! Шелестящие банковские билеты — вот кровь нашего века! Все остальное — игра и мираж...

В шесть без десяти минут вошел лейтенант Вильгельм Кнобель в приемную банкира Генриха Цуккера.

Вошел — и не мало удивился. Что это — собрание спортивного клуба? Конференция арийцев? Около тридцати молодых людей, представителей лучших фамилий города, сидело здесь.

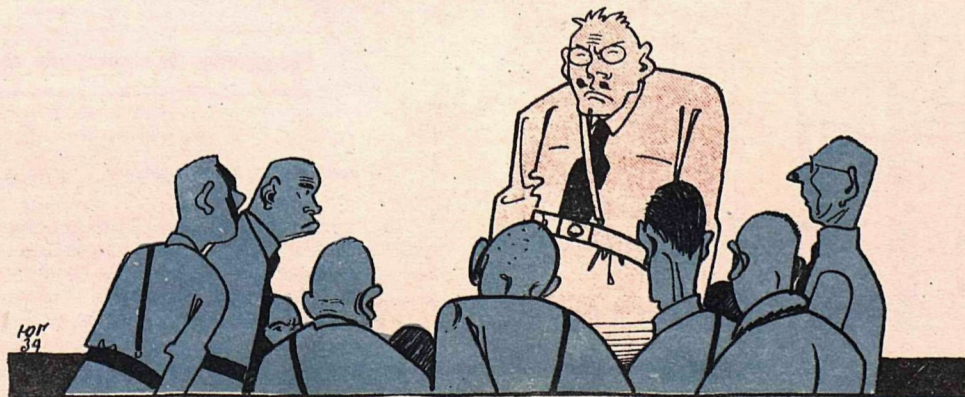
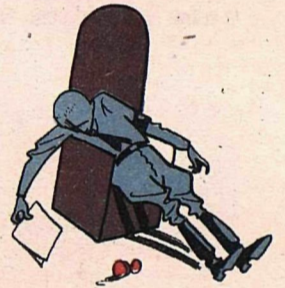
— Понятно. Долги, всежеля — вот что привело их сюда. Арийцы!

Вдруг из боковой двери выплыла неожиданно для всех тучная фигура адвоката Штиделя, председателя местной организации национал-социалистов.

Он поднял руку. Все встали.
— Господа! — вскричал он своим пискливым голосом. — Господа! Случилось величайшее недоразумение. Всех вас собрал сюда я! Да, я! Это я написал вам письмо от имени банкира Цуккера. Кто были ваши отцы, местной организации национал-социалистов неизвестно. Во всяком случае — не Генрих Цуккер. Мы лишь хотели вернуть вашу верность расе...

Что было дальше, неважно. Все и так ясно.

Г. РЫКЛИН





— Вы не знаете, где здесь плановый отдел?

— Откуда мне знать? Я ведь тоже работаю в этом учреждении.

(Тема Я. Бельского)



Рис. и тема К. Елисева

4 — Ну, и краска пошла! сплошной брак. Даже нашего брака не кроет.

— Скажите, пожалуйста, кто здесь выдает пропуска?

Товарищ в шапке из черного каракуля и с черным же каракулевым воротником остановился.

— А вот тут, в окошечке!

— Тут никого нет!

— Верно, нет! — согласился товарищ, заглянув в окошечко. — Это они, наверное, за кипятком ушли. Кипяток у нас на фабрике в том конце. Пока туда, пока сюда... А то бывает, что дров в кипятильнике нехватка или воды не налили. Не возвращаться же с пустым чайником. Иной раз приходится и подождать. Да вы не ждите. Пройдемте со мной. Вам куда? В дирекцию? Ага.

И словоохотливый товарищ повел меня через двор к кондитерской фабрике „Красный молотобоец“, в фабрикоуправление.

Теперь мне оставалось поблагодарить своего провожатого за любезность, но словоохотливый и, повидимому, никак не стесненный во времени товарищ не уходил.

— Вам к директору? Директор как раз в командировке. Он у нас всегда в раз'ездах. Татьяна Алексеевна, когда Сергей Георгиевич уехали? Третьего дня? Ага. Ну, да все равно, вернется и опять уедет. Может быть, к его заместителю пройдете, к Ечестову? Только он еще сегодня как будто не пришел. Или — к Морошкину? Морошкин тоже замещает директора. Татьяна Алексеевна, тов. Морошкин у себя? В отпуску? Ага. А Давыдюк? Вышел куда-то? Ну, да этот все равно не в курсе. Третий день, как сюда прислали. Вам бы с Моносозом поговорить. Моносоз тоже заместитель. Только сегодня его не будет. Вчера звонил. Дочка у него коклюшем заболела. Не столько, понимаете, сам коклюш, сколько опасность осложнения. И коклюш и корь для легких, знаете ли... К четвертому заместителю, Юхнову, вам что ль? Нет. Юхнов на учебу уходит. Он и разговаривать, пожалуй, сейчас не станет. Разве что к Баузе? Татьяна Алексеевна, Баузе не приходил? И Баузе в командировке? Ага. А Грозовский? Тоже в командировке? Откомандирован? Ага... В такое время попали... Не повезло вам, товарищ, уж не знаю, как с вами быть?

— А с кем вообще-то у вас можно поговорить по вопросам вашего производства, о снижении себестоимости, о рабочем снабжении, о нуждах и достижениях?

— Ага, так бы вы сразу и сказали. Это вам надо с заведующим производством. Татьяна Алексеевна, заведующий производством у себя? Уехал? В командировку с директором? А тов. Тянушко из соцбытсектора? Еще не приехал? А Шишков из ЗРК? Ага, ага... Ну, что поделаешь, в такое время к нам попали. Уж я, право, и не знаю больше, к кому вас и направить. Вот что, разве...

— А что если мы с вами поговорим?

— Со мной? — удивленно переспросил он. — О чем? О фабрике, о производстве? Но я ведь совсем по другой линии. Я здесь по профлинии. Председателем фабричного комитета. С удовольствием бы товарищ. Я, конечно, понимаю и сочувствую, но!

Любезный товарищ выразительно развел руками.

Л. МИТНИЦКИЙ

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ РЕБЕНОК

Великие фразы не нуждаются в комментариях.

Поэтому без всяких примечаний приводим резолюцию Орехово-зубовской районной милиции по делу гражданина Зайцева.

Гражданин Зайцев был направлен в ДОПР. Его ребенок, вписанный к нему в паспорт, был вставлен в паспорт его жены, а на паспорте гр. Зайцева и появилась приводимая ниже потрясающая резолюция:

Считать ребенка недействительным по случаю ареста отца.

Та же милиция дала нарсуду 97-го участка весьма тонкую справку о некоем гр. Макарове, покончившем жизнь самоубийством:

Гражданин Макаров умер по собственному желанию.

Та же милиция и вводит в жизнь людей вне их желания и намерений.

У гражданина Сергея Григорьевича Азарова родился сын Олег. Счастливым отец захотел его вписать в паспорт. Желание вполне законное. Но когда он заглянул в свой паспорт после этой несложной операции, то оказалось, что он является обладателем не сына Олега Сергеевича Азарова, а дочери Ольги Сергеевны Лазаровой.

Теперь интересно знать, будет ли считать районная милиция означенного ребенка действительным или наоборот?

Н. УКЫВАЛОВ

ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА

(Престодушное интервью)

Вы почему улыбаетесь? Не улыбайтесь. Заметка в стенгазете о том, что я бюрократ, совершенно не соответствует действительности. Я просто точен и аккуратен в своих поступках, равно, как и умерен в своих суждениях, а это, знаете ли, нередко раздражает людей.

— Вот не угодно ли, я опишу вам свой сегодняшний трудовой день, который начался, как и всегда, аккуратно без минуты опоздания в 9 часов 30 минут.

Конечно, никаких подвигов я не свершил, да ведь никто и не сказал, что в круг обязанностей заместителя начальника службы эксплуатации входит свершение подвигов.

Окинув взглядом комнату, я убедился, что все вверенные мне сотрудники сидят на местах.

Отпив чаю, я удалился на диспетчерское совещание, кои у нас происходят каждый день, составляя существенную часть служебных занятий. Сегодня, например, Иван Петрович (вы не знаете Ивана Петровича? Это мой ближайший начальник) делал разнос районам. Не выполняю, разгильдяи, плана погрузки. Иван Петрович им строго-настрого предложил выполнять. Ну, они, натурально, как это говорится, отмежевались и сказали: „Понято“. Завтра, надо думать, план будет выполнен. Я же лично подверг жесточайшей критике форму отчетности № 12 касательно учета остатков непогруженных. Представьте себе, в отчетности всего только 14 граф. Никакой ясности! По моему настоянию добавлено еще 13 граф. Пусть попробуют не заполнить, я им, этим местным бюрократам, задам перцу!

Затем разгорелся яркий и достойный быть отмеченным в прессе спор о том, кто виноват в срыве месячного плана погрузки. Мы, эксплуатационники, настаивали на том, что виноваты паровозники. Паровозники же ссылались на эксплуатационников, а вагонники двуручничали, соглашаясь и с нами и с нашими противниками из паровозной службы. Мерзкий народ!

Как? Мое мнение? Ну, какое же у меня может быть мнение! Я, как Иван Петрович, как все... Ведь я только зам, не забывайте. Я должен предварительно согласовать, а потом уже иметь собственные соображения... Впрочем, в порядке частной беседы, разумеется, не для печати, я скажу, что главная причина не в нас... нет!.. Дайте ухо! Я вам на ухо: план великоват... Ведь, помилуйте, в 1913 году наша дорога грузила в 4 раза меньше... Но это глубоко между нами... Слышите? Не подводите.

Ну-с. Поговорили мы, пошумели и разошлись. Время, заметьте, половина второго-с. В управлении обеденный перерыв по случаю вкушения пищи сотрудниками. Прихожу в кабинет, народу ожидает масса. Этот народ — посетители, знаете, прямо, заедает нас, отрывает от занятий. И все — дайте вагоны, вагоны, вагоны... Но ведь я, простите за грубость, вагоны не рожаю?! Откуда мне взять вагоны. У меня план. План, впрочем, тоже не выполняется, но ведь не я тому причина, как вы уже знаете. Вызвал секретаря, сказал ему: „Очисти-ка воздух“. Ну, он и очистил. Сказал, что приему нынче не будет.

Ругались посетители, но я их не обвиняю — культурный уровень у них невысок, народ большей частью грубый.

В два часа приступил, наконец, к занятиям. Принесли мне бумаги. У нас теперь бумаг много. Все инструкции, знаете, приказы, указы. Каждую надо подписать. Подпис мой, доложу я вам, длинный, витиеватый. Полминуты на бумагу, двести бумаг, полтора часа работы при подлинно большевистских темпах.

Время, заметьте, три часа. Надо обедать, а затем — самое горячее дело — подведение суточного графика.

Обеды у нас, доложу я вам, недурные. За обедом прессу считаешь, с товарищами побеседуешь, у каждого свои дела. Словом, на обед уходит полтора часа.

Ну-с, а потом — самое важное и, если хотите, трагическое. Наши сутки в отличие от общегражданских кончаются в 18 часов. И вот, вы понимаете, требуется масса изворотливости и даже, не скрою, таланта, чтобы спихнуть соседней дороге составы и, по возможности, не допустить, чтобы подбросили тебе. Это, прямо скажу, война алой и белой розы. Тут есть свои стратеги, тактики, мастера, гении. Наши пограничные районы землю роют, мы ими руководим, добавляем жару! Польза какая? Видите ли, пользы, может быть, и никакой нет, но дело не в пользе, дело в цифре. Нам нужна цифра, а не польза. И не просто цифра,

а благополучная. Меньше у нас останется вагонов, значит, хорошо сработали, больше — значит, плохо... Вы чего смеетесь? Тут не до смеху.

Вот так воюем, воюем, смотришь, шесть часов. Ну, значит, конец, пора домой, отдыхать или куда-нибудь в театр в рассуждении культурного времяпрепровождения или на какое-нибудь заседание в порядке общественной нагрузки, президиум общества друзей автосцепки или там культкомиссия опять же с чаем и бутербродами.

...Ну-с, а завтра — тоже самое, послезавтра — тоже самое. Дело — без дна. Тружусь, не ропщу. Все силы кладу на алтарь служебного долга. И очень обидно, когда какой-нибудь рабкорик из мелких, разумеется, служащих вас

в стенгазете опозорит, как например, меня на-медни... Прямо руки отваливаются работать...

А наша эпоха — волнующая, работать радостно. Творческий огонь так и разливается по жилам... Куда же вы, погодите, постойте... до 18 часов еще далеко, время поболтать есть.

Ну, ладно...

Отметьте в вашей прессе, как командный состав нашей дороги (ну и я, в частности, — немаловажный винтик большого механизма) борется за оздоровление транспорта на основе исторического решения СНК и ЦК, каковое мы прорабатывали неоднократно, в удостоверение чего рекомендую посмотреть протоколы нашего местного профсоюзного комитета!.. Будьте здоровы, будьте здоровы!

Н. КРЭН

ПОСЕВ БЕЗ ЖАТВЫ

Докладчик вопиал:

— Мной этот лозунг в массы брошен!

Но сразу был вопросом огорошен:

— В жизнь проведен тот лозунг был?

Тогда глаза докладчик опустил,

И прозвучал ответ довольно туго:

— За этим наблюдать... мне не было досуга!..

Отсюда и мораль:

Нам лозунгов непроведенных жалы!

М. АНДРИЕВСКАЯ

Рис. М. Храпковского



— Как?! Тебя уже выпустили из концлагеря?
— Что ж тут особенного?.. Я ведь сидел не как политический, а как уголовный!..

(Тема Я. Бельского)

ОСТАНОВКА ЗА БОЛЬШИМ

На 3-й партконференции Октябрьского района делегация пионеров, приветствовавшая конференцию, рассказала о своих успехах в учебе, о том, как они втягивают своих отцов в общественную работу, и т. д.

Обычной мерною, пожалуй,
Не мерить век наш боевой.
Пред вами здесь большой и малый,
Но кто же малый? Кто большой?

На-ять работает ребенок.
Большой-баклуши бить привык.
Большой приземист, хил и тонок,
А малый-крепок и велик.

Большой по залу ходит вялый, —
Танцует малюнький герой.
Свой план большой нам одал „на малый“,
А этот малый — „на большой“.

От нас большому будет жутно,
Любой понять сумеет вмиг,
Что перед малым он-малютка,
Когда малютка — б о л ь ш о в и к.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ



Рис. К. Ротова



„КРОКОДИВ...
Итак, и...
лионного...
циального...
„Крокоди...
ция“ к 25...
ло расп...
400 тысяч...
ров.
Края и...
ревнуотс...
шее рас...
ние „ави...
Четыр...
уже пере...
свои...
цифры:

Восто...
Бирь (р...
Петров...
расо).
Сев. К...
нов. т...
оний и...
спид).
Запа...
Бирь (р...
Мальце...
сь).
Иванов...
(руков...
льцов...
лев).

Все эт...
„Крокоди...
на красну...
У нас у...
и черная...
и кандида

Татар...
тт. Гане...
шонин),
ный кра...
зер). Бел...
(тт. Рос...
ленький...
ля (т...
кий), Б...
(т. Янг...
Крым (с...
чев), Л...
обл. (т...
и Новар

Но запо...
ную доску...
дня не бу...
кочил“ ув...
отстающ...
нута. Во...
чае, мы жд...
дующего...
Комсомо...
кутского...
им. Куйбы...
слали тел...
просят...
тираж ном...
кочил—ав...
1 миллион...
жение дел...
ное. Его м...
но приве...
Но... реали...
предложен...
на мешаю...
кандидат...
кую доску...
это, товар

ЛЮБОВЬ В КАМЫЗЯКАХ

Любовь как таковая абсолютно не требует вмешательства районной милиции.

Даже самые заядлые бюрократы уже освоили технику любви и не опрашивают по утрам граждан:

— Любите ли вы вышеозначенную девицу, и наоборот, а если нет, то почему?

Совершенно иное дело вдали от центра, где бюрократы всякую любовь признают неудачной, поскольку она началась и проходит вне конкретного контроля районной милиции. Приведем трогательную историю о новой теории любви, проводимой инспектором четвертого района Григорьевым.

Молодой человек Ибрагим Муханбед-Калиев полюбил девицу Акизу Кушанову. Как может легко догадаться читатель, имеющий жизненный опыт, Акиза в свою очередь полюбила Ибрагима. И будь бы при встречах над влюбленными сверху только одно солнце и одна луна,—все закончилось бы естественным порядком. Но, к сожалению, над двумя молодыми существами был еще инспектор четвертого района Григорьев, которому категорически не понравились вышеописанная любовь и ее проявления во вверенном ему районе.

— Любите?—обиделся Григорьев.—Вздыхаете? Целуетесь без ответственности справок? Хорошо...

6 На другой день после того, как эта обида была окончательно освоена, в районную милицию была вызвана мать влюбленного Ибрагима, и с нее взята следующая расписка:

„Я, нижеподписавшаяся гражданка Муханбед-Калиева, даю настоящую подписку начальнику Камызякского района милиции в том, что по прибытии сына Ибрагима с моря обязуюсь не допускать его до

девицы Кушановой, а доставить его по принадлежности к инспектору милиции 4-го района т. Григорьеву. За нарушение данной подписки обязуюсь отвечать по 151-й статье, в чем и расписуюсь. Неграмотная положила два пальца своей правой руки.

Инспектор 4-го уч. Григорьев“.

Основная часть по разрушению романа силами районной милиции, таким образом, была закончена. Но попутно выяснилось, что влюбленный — не кролик, которого можно принести в корзине и поставить под милицейский стол.

Надо было обеспечить инспектора Григорьева документом, фактическая сила которого гарантирует и от всяческих нежелательных последствий. Тогда рождается второй забываемый по своей четкости и ясности документ. Влюбленный Ибрагим вызывается в район, и на столе у инспектора Григорьева остается:

„РАСПИСКА О СОХРАНЕНИИ ДЕВСТВЕННОСТИ

Я, гр. Муханбед-Калиев Ибрагим, даю начальнику Камызякского РУМ настоящую подписку в том, что обязуюсь хранить девицу Кушанову Акизу до совершеннолетия и за нарушение данной подписки обязуюсь отвечать перед судом, в чем и подписуюсь.

Инспектор 4-го уч. Григорьев“.

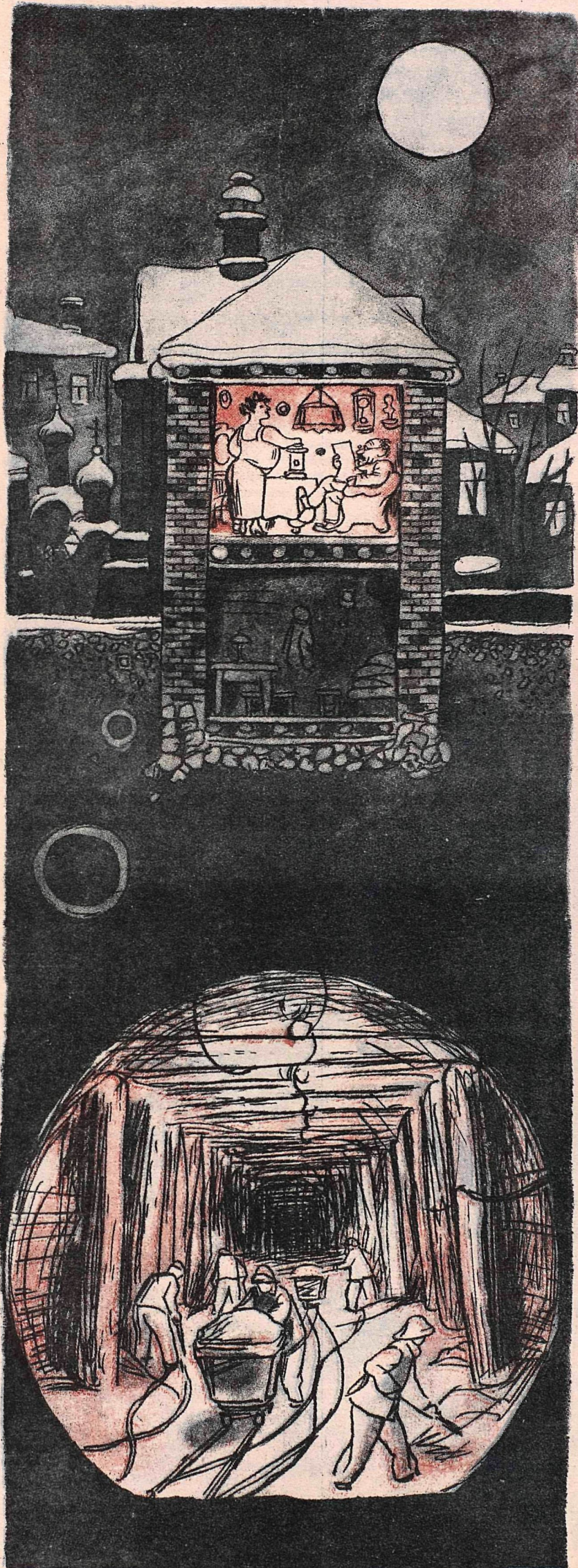
На этом документе поучительная история о двух влюбленных, камызякской чистоте нравов и районной милиции временно заканчивается.

И маленький бюрократик районного масштаба иногда, наверное, достает желтевшую папку с документами и любит на плоды своих рук.

— Во вверенном мне районе никаких непроверенных мне любей не допущу... И точка!

АРК. БУХОВ

Рис. Л. Генча



ОБЫВАТЕЛИ: — Пишут, пишут об этом метрополитене, а не подумали, чтоб вывести крыс, которые круглые сутки под домом шумят...

(Тема Л. Бродаты и Ю. Ганфа)

В вестибюль больницы вошел крестьянин. В руках кнут, валенки в снегу, борода мокрая. Он спросил швейцара:

— А где бы мне тут, милый человек, покойника отыскать, родственника моего, я за ним с гробом из деревни приехал?

— Иди в бюро справок, — важно ответил швейцар и с неуважением посмотрел на посетителя. — Вон в окошечке бюро. Шагай... Да снег-то отряхни с ножищ!

Крестьянин околотив кнутом снег с сапог и робко подошел к окошечку:

— Гражданочка, будьте столь милостивы, мне бы покойничка получить... Брат мой двоюродный у вас помер.

Сестра милосердия поджала сухие губы и лениво подняла на крестьянина блеклые глаза:

— Как фамилия?

— Это кому? Мне-то?

— Не тебе, а покойнику.. Ну, скорей, скорей!

— Покойнику фамиль, конечно, Захаров, а звать Василий. Значит, Василий Захаров он будет. Вот, вот...

Сестра, снова поджав губы, стала перелистывать книгу с записью умерших.

— Василья Захарова в книге не значится, — сказала она. — Погоди, погоди, я еще раз посмотрю. А ты откуда знаешь, что он помер?

— А нам на деревню телеграмма была отстукана из вашей больницы. Правда, что Васю-то, как захворал он, привезли в скорой карете в другую больницу, земляк был в то время при нем, сказывал нам. А там определили, что заразный Васю-то, ну, его сюда к вам, то ли живого, то ли мертвого, я не могу знать, только что в телеграмме отстукано — помер.

Сестра поднялась, подогнула отсиженную ногу, и опершись о стол, сморщилась от неприятного ощущения в ноге.

— Погоди, я справлюсь, — сказала она. — Может быть, еще не успели записать, а может, и похоронили...

— Похоронили?! То-есть как это похоронили без родственников?

— А ежели б родственники за ним год не приехали? Глупости какие говоришь. Погоди, — и сестра скрылась во внутреннее помещение больницы.

У крестьянина от неприятности забилось сердце, он все ахал про себя, все побряхывал, уныло крутил головой. Пробираясь чрез толпу посетителей, он подошел к окну, заглянул во двор. Мухрастая лошадедка тербит губами сено, на санях красный гроб — вечное жилище его двоюродного брата.

— Иди сюда! — услышал он окрик.

— Крестьянин торопливо подошел к сестре и неизвестно почему заулыбался, обнажая белые зубы.

— Василий Захаров не умер, а жив. Он поправляется. Дней через пять-шесть мы выпишем его...

Улыбка на лице крестьянина враз исчезла, лицо вытянулось, глаза стали злыми.

— Как это жив? Как это поправляется? — заговорил он, задыхаясь. — У меня телеграмма.. Это что же вы, товарищи хорошие, путаете, не можете покойника отыскать. Видно вас еще в стенгазете не продергивали?! Слышишь, гражданка? Я из района бумагу имею при себе.. Без покойника я не уеду. Вот погляди, полюбуйся, гроб во дворе стоит..

Сестра трижды менялась в лице, трижды хотела остановить собеседника, но он палил словами, как из пулемета. Из внутренних покоев вышла краснощекая сиделка в белом халате и встала возле сестры, ожидая, что будет дальше. Сестра резко сказала:

— Я тебе в последний раз говорю, что твой родственник Василий Захаров жив и поправляется.

— То-есть, как это жив?! — зашумел крестьянин. — Подавай мне покойника! Это у тебя, может, другой Василий Захаров поправляется, а мой Васю помер, я это лучше тебя знаю, телеграмма у меня.. Веди меня к главному доктору!

— Да что ты, дядя, с ума сошел?! — не своим голосом закричала сестра.

— Я тебе не дядя, ты мне не племянница..

— Гражданин! — загалдели столпившиеся возле них. — Орать здесь нельзя. А ты требуй, чтоб показали тебе родственника, вот.. И вопрос разрешится конкретно. Очень даже странно ваше поведение. Вас утешают в смысле жизни вашего кузена, а вы делаете жесты кнутом и шапкой.. Дволюбо глупо!

— Вот что, гражданин, — заговорила деловым голосом румяная сиделка. — Надевайте халат, идемте со мной. Василий Захаров в моей палате. Можете с ним свидание иметь. Надо, гражданин, быть сознательным..

Крестьянин сразу затих.

— Ах, мать честная, неужто Васю жив? — закрутил он головой. Раздались сдержанные хохотки, колкие словечки: „Видно, пьяный, не проспался еще“, „Нет, должно, матка из люльки уронила его, головой, ударился“. Меж тем дядю обрядили в белый халат, повели по коридору. Он шел, нетвердо ступая по скользкому паркету. Сердце его сжималось недобрым предчувствием и страхом. Вошли в палату 25, сиделка остановила его возле койки и сказала:

— Ну вот, признавайте друг друга, — и ушла. Вытянувшись, лежал на койке молодой парень, глубоко запавшие глаза его приветливо взглянули на вошедшего.

— Вася, ты? — уныло спросил крестьянин.

— Я, брат.. Нешто не узнал?

— Не узнал и есть.. Шибко исхудал ты. И башка обритая. Значит, не умер, жив?

— Как видишь. А ты что? Ты не рад, что ли?

Кровь бросилась крестьянину в голову, заскучал живот, и ноги ослабли. Он шлепнулся на край койки и, давась словами, забормотал:

— Как не рад. Известное дело — рад. Ведь ты не чужой мне, — смущенно замилгал крестьянин. — Только видишь ли, Вася, какое дело вышло нехорошее.. По моему адресу была телеграмма из больницы, на деревню отстукана, что ты совсем померши. Я значит, взгрустнул, поплакал тихомолком и побежал скорей доложить об этом в сельсовет. А как считаешься ты у нас первым комсомольцем, обществен-

(Продолжение на 8-й странице)

ником, там подняли великую бучу, выдали мне аванс средств и велели как можно скорей ехать за тобой, и купить красный гроб, и везти тебя.

Крестьянин передохнул и кивком головы откинул свисавшие на лоб волосы. Выздоровливающий, глядя на своего родственника, менялся в лице.

— Что за чертовщина такая, не могу понять, — сказал он слабым голосом. — Ну-ка, покажи, что за телеграмма. Я сам просил, чтоб больница послала. Я без гроша, один Ну-ка, покажи.

— Сейчас, сейчас. Она в кошельке, а кошелек на вешалке. Тыфу ты, как прошиблись мы: за мертвым ехал, а ты живой. Главное дело в том, музыкантов из города вытребовали, человек двадцать трубачей да барабанщиков приехали к нам еще при мне. Избы украшают елками, траурные флаги, апплакаты парни стряпают, комсомольцы. Словом, похороны, что надо. Эх, Вася, Вася, брат!.. А с музыкой все трудящиеся хотели выйти за пять верст вперед, в деревню Машкину, туда я должен привезти к завтрашнему утру твоё тело, Вася...

Комсомольцу было смешно, больно и обидно. Но светлое сознание, что вот его, незаметного работника, оказывается, очень ценила молодежь, товарищи по партии, это сознание стало теперь в мыслях Василия Захарова во всей своей силе и сразу смяло, было, охвативший его гнев.

— Ерунда! — весело воскликнул он и приподнялся. — Ерунда! Сходи за телеграммой... И не печалься, что я жив...

— Эх, Вася! Не в том дело. А дело вот в чем. Главный член из города обещал прибыть и еще председатель комсомола.

Через две минуты комсомолец читал вслух телеграмму:

„Опасно больной Василий Захаров больнице Память Октября палате 25 помер. Переведите деньги. Администрация“.

— Двадцать пятого помер ты, а сегодня двадцать седьмое. А уж завтра похороны твои.

— Ну, так и есть. Переверали, дьяволы! Не помер, а номер двадцать пять, палата. Понимаешь? Ну, теперь поезжай, брат Федор, разясни там... Тыфу!

Через два дня Василий Захаров получил с родины телеграмму. Собравшиеся на его похороны выражали восторженное чувство по поводу его мнимой смерти и горячо желали ему скорейшего выздоровления.

ВЯЧ. ШИШНОВ

АЛЛО! ВЫ НАС СЛУШАЕТЕ?

ПЫЛЕХРАНИТЕЛИ

До сих пор наиболее эффективные результаты давала химическая окраска.

Теперь сельхозкооперация додумалась до новых способов изменения цветов ширпотреба.

Так, в Гоголевском сельпо

месяцами не снимаемая пыль до неузнаваемости изменила вид товара. В Черешманском сельпо белые бязевые кальсоны превратились в желтые, коричневая обувь — в черную.

Единственно, кто не успел приобрести новую раскраску, — это местные сельхозкооператоры. А им не мешало бы хоть покраснеть от таких безобразий...

ШИРПОТРЕБ НАБЕКРЕНЬ

Понятие об ассортименте товаров для колхозной зажиточности каждый толкует по-своему и зачастую весьма оригинально.

Так,

в Ульяновске ларек инвалидной кооперации торгует на колхозном базаре только дамскими подаяками по 7 руб. 20 коп. за пару, конторскими счетами по 18 руб. и детскими резинками по 2 руб. 29 коп. В Самаре на хлебном рынке в киоске № 62 горпотребсоюза продавались негодные к употреблению чайные ложки, дырявые бидоны, дверные французские замки, жестяные чемоданчики и подвески к абажурам для электрических лампочек.

Есть такая старая пословица: на тебе, убоже, что нам не гоже. К счастью, убогими здесь являются не колхозники, которым нужен хороший ширпотреб, а бестолковые поставщики всякого барахла на колхозные базары.

У директора фабрики „Красная заря“ было 12 заместителей.

Рис. Л. Бродаты



ДИРЕКТОР: — Скажите, где я вас видел: больно знакомое лицо?
— А я ведь у вас одиннадцатым заместителем работаю...

(Тема Я. Бельского)

Пути „Летучего Голландца“
 Для нас, поверьте, по плечу:
 За огурцами... медью... сланцем...
 За чем я только не лечу?
 Почетный жребий мне дарован!
 И силы крепкие даны!
 Как лейкоцит, командирован
 Кровь оздоравливать страны:
 Там поднажмешь, а тут ударишь,
 И вновь несешься, словно смерч!
 — Куда ты? В Вологду, товарищ?
 А я из Вологды да в Керчь.
 И черствый ситный из Коврова
 Подчас в Баку везем с собой...
 С тех пор как я командирован,
 Стал географией живой.
 О нас стихи слагать бы, право...
 Но нас хамить — „хороший“ тон:
 С „пишмашкой“, „управдомом“, „завом“
 Мы попадаем в фельетон.
 Поэмами не избалован
 Наш брат, ведущий с гнилью бой.
 За тех, кто был командирован,
 Я поднимаю голос свой.
 Легли на днище чемодана,
 Сдавлив мой скудный ширпотреб,
 Пласты приказов, груды „данных“,
 И даже ими пахнет хлеб.
 Что чемоданное нутро вам!
 В глаза достаточно взглянуть,
 Чтобы сказать: — Командирован
 Он кем-нибудь, куда-нибудь.
 Одесса, Пермь, Одесса снова,
 Иркутск, Магнитка, Белебей,
 Куда я был командирован?
 Где не был — сосчитать скорей!
 А дома? Грусти черной лапа
 Слезу исторгнет и из пня...
 Сынок зовет кого-то „папа“
 И „дядю“ зовет меня.
 И ночью вдруг встревожен гулом,
 Приняв за паровоз авто,
 С постели я срываюсь: — Тула!
 Где чемодан? Портфель? Пальто? —
 Но нет! Я дома! Очарован
 Покоем, простыней пленен!
 И снится... я командирован
 На две недели в сладкий сон.
 И снится: пишутся поэмы,
 И проза в нашу честь гремит,
 Эстрадник, растерявший темы,
 Нас плоской рифмой не хамит!
 Уже дом отдыха основан,
 Над ним от лип струится мед,
 Эх, сон! Кто был командирован,
 Наверно этот сон поймет!
 Ах, где ты, милая подружка?
 Полузабытый дом, семья.
 Портфель, рюкзак и чайник с кружкой —
 Вот амуниция моя.
 Почетный жребий! Хоть суров он,
 Но мыслю я, худой, как жердь,
 Что в жизнь я был командирован,
 Чтобы разить в ней гниль и смерть!

Р. РОМАН

ДОСКА БЮРОКРАТОВ

МИНУТНОЕ ВЕЩАНИЕ

Египетские иероглифы очень трудно разобрать из-за внешнего начертания. Но бывают фразы и на вполне понятном языке, смысл которых внушает не меньше тайного ужаса, чем клинопись на камне.

Вот, например, как начинается распоряжение райзо Коларовского рика к колхозам:

„Для укрепления всех недочетов и потерь в урожайности на полях наших колхозов и результатов применения минимальных норм посева в естественно исторических условиях“.

Каким языком написано подобное обращение? — спросит читатель. — Никаким, — ответим мы. Язык тут не при чем. Ногой это написано.

РЕТИВЕСТЬ КАК ТАКОВАЯ

Социальное соревнование — большое и ответственное дело. А вот как матерые бюрократы упрощают его технику.

Управляющий В/О „Союзутиля“ Колович разослал следующий циркуляр:

„В случае незаключения до 1 января 1934 года содоговоров между конторами, все управляющие таких контор будут считаться врид. управляющими и об их дальнейшей работе будет поставлен вопрос на совещании всех управляющих контор“.

Интересно, как после такого циркуляра будет считаться сам автор его: временно управляющим или безвременно закончившим управление?

Это было несколько молниеносно. Особенно по сравнению с действительным развертыванием событий во вверенном не мне учреждении.

Как вообще все это было сделано?

А как делается обычно. Делается так: готовится кем либо «проект» приказа. Этот «проект» подписывается главой учреждения и сдается в машинное бюро. Машинистка с привычным старанием прописными буквами через интервал в середине верхней строки выстукивает слово «приказ», а затем и все остальное по параграфам. Затем этот приказ рассылается по завам и в случае особой важности вывешивается на специальной доске.

Здесь все это было сделано совсем не так, все было сделано действительно потрясающе.

Во-первых, приказ даже для старшей машинистки стал известным только с доски. Во-вторых, самая внешность его могла потрясти кого угодно. Под взъерошенной строчкой со словом «приказ» шли без номера и даты слова: «категорически запрещаю!» при чем эти столь привычные в приказе слова так же, как и слово «приказ», были напечатаны явно неопытной машинисткой и читались только потому, что были привычны. А дальше уже шло явное потрясение основ. Дальше после этих простых, привычных, а потому и приятных слов, напечатанных хотя и плохо, но все же на машинке, шли слова и необычные. И к тому же еще не напечатанные, а приклеенные. Факт! Шла вырезка из газеты, в которой говорилось:

«О канцелярско-бюрократическом методе руководства и невнимании к низовым советско-хозяйственным и партийным органам, дача «общих» отвлеченных директив и многочисленных приказов вместо конкретного руководства и изучения деталей работы...»

Так вырезкой из газеты после привычных слов «категорически запрещаю» шло семь пунктов, пунктов непривычных и на взгляд и на слух. После них в виде освежающего антракта снова скрывалась с трудом напечатанная на машинке строчка, ласкавшая глаз милыми уму и сердцу словами:

«С сего числа приказываю» и дальше снова вырезка из газеты, содержащая еще четыре пункта.

Под четвертым пунктом газетной вырезки красовалась знакомая размашистая, но не без разборчивости подпись:

«Знатоков».

И — точка.

Перед необыкновенным приказом сгрудилась не только все согрудники учреждения, но и посетители.

Вышедший из кабинета личный секретарь товарища Знатокова быстро ликвидировал папку.

— Что тут странного? — пренебрежительно спросил он и, не дожидаясь ответа, объяснил: — Вчера в газетах были опубликованы тезисы доклада товарища Кагановича, в которых предлагаются организационные мероприятия в области советского строительства. Товарищ Знатоков, ознакомившись с этими мероприятиями, немедленно провел их в жизнь. Вот! — и секретарь указал пальцем на приказ.

Служащие разошлись по своим местам, посетители по служащим, и место около приказа осиротело.

На другой день в порядке низовой инициативы и деловой самокритики секретарь позволил себе посоветовать товарищу Знатокову:

— Не опубликовать ли в приказе дополнительно самые мероприятия, товарищ Знатоков? Хотя бы раздел третий оных: «О работе местных советов, профессиональных и комсомольских организаций по улучшению государственного и хозяйственного аппарата?»

— А что там говорится в этом разделе?

«Организовать массовый контроль работы органов управления и поставить под жесткую критику масс бюрократические язвы и недостатки аппарата», — бойко зачитал начало раздела секретарь.

Товарищ Знатоков секунду подумал и отклонил:

— Нет. Ни к чему. Оставим, как есть. Перестройка по существу закончена. Я, конечно, не против этих самых язв и недостатков аппарата, но считаю, что вводить приказом жесткую критику масс — глупое администрирование. Оставим, как есть.

Секретарь вежливо склонил голову.

Все осталось, как было, по слову товарища Знатокова.

Когда коренная и энергичная перестройка советского аппарата шла на всех парах, товарищ Знатоков только пожимал плечами:

— Спихватились! Я все это провел в жизнь на другой же день после опубликования тезисов товарища Кагановича!

А когда Знатокова сняли за злостный бюрократизм, ожидавший своей участи секретарь грустно говорил:

— Я не обвиняю товарища Знатокова ни в чем. Но... «они» правы, как я был прав в свое время: надо было перестройку довести до конца и не останавливаться на одном приказе — и второй надо было отдать, и третий, и четвертый. Руки бы не отсохли! А теперь — вот!..

В. ПАВЛОВ

Рис. Л. Генча



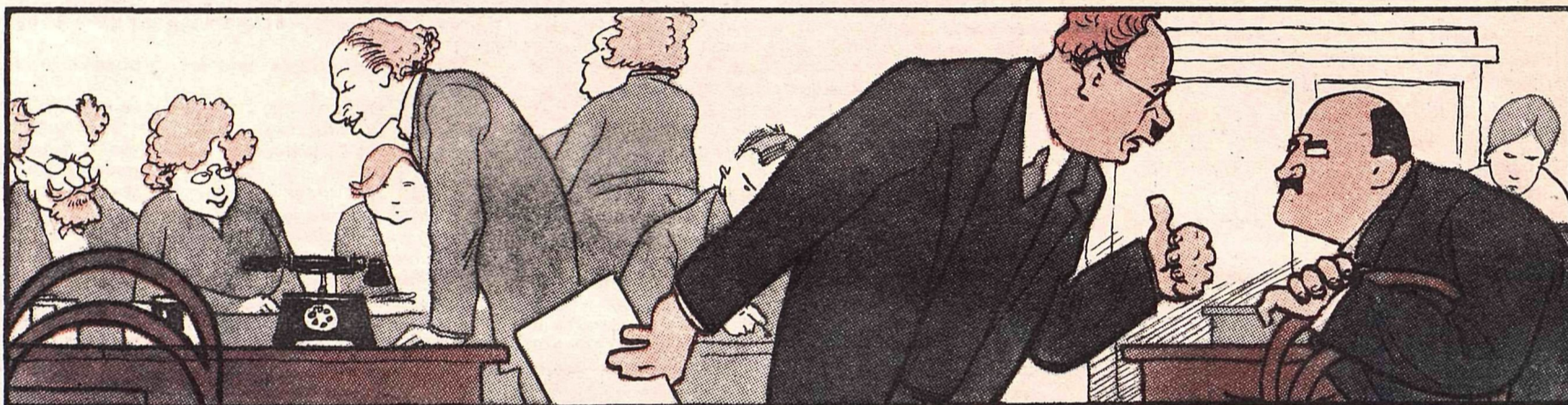
Секретарь парткома комбината „Большевик“ (ИПО) Абрамов только один раз был на производстве и то в лаборатории, чтобы свести бородавку.

— Что это секретарь больше не заходит?
 — Да, видно, бородавки все вышли...

(Тема Я. Бельского)



Сидел заведующий и долго думал, что можно убрать из комнаты, чтоб посадить несколько нужных и близких ему людей...
— Шкаф, — сказал он секретарю, — уберите его и печь. Дело к лету идет. Обойдемся...



Но дело развивалось. Потребовалось еще место для новых близких и нужных людей...
— А вот этот шкафище! — рявкнул он. — И как я его раньше не заметил. Да тут же десять человек можно посадить. Убрать!..



Но места все было мало. Учреждение росло и росло... Пробил смертный час телефонов и других завоеваний техники.
— К черту, — кричал зав, — убрать их. Они своим звоном дезорганизуют всю работу. Мне нужны люди, а не машины. — Убрали телефоны...



А дело решалось очень просто. Нужно было убрать только одного заведующего, и места оказалось достаточно для всех необходимых людей.

(Тема Ю. Ганфа и Я. Бельского)

ЗВЕЗДОЛЕТ

(Московские новеллы)

Небо цвета подмокшей газеты.

В усталое окно смотрит бельмо пасмурного дня. В коридоре стоит огромный сундук, похожий на саркофаг фараонской династии. На нем, в уголке, около гармошки парового отопления любят собираться дети. Это место они прозвали „пляжем“. Тут очень жарко, и по трубам журчит вода. Можно лежать в одних трусиках и разговаривать обо всем.

Сейчас на сундуке сидит пятилетняя Клава, дочь слесаря РЖСКТ. Ее огромные глаза с длинными ресницами похожи на петли пальто. Эти петли застегнуты на радостные пуговицы глаз. Казалось, что не будь этого, она могла бы потерять кожу лица, ибо ей больше не на чем было задержаться: нос маленький, словно фарфоровая кнопка электрического звонка.

Клава смотрит в небо. Там летает аэроплан, и его надоедливое жужжание просится сквозь стекла в ее розовые уши. Клава следит за его полетом и поет:

„Ероплан, ероплан,
Посади меня в карман.
А в кармане пуста,
Выросла капуста“.

— В кармане капуста не растет, — поправляет ее четырехлетний Сережа.

Он подходит к сундуку, таща подмышкой котенка, задом наперед. Из-под руки торчат

только хвост и одна задняя нога. Вторая половина жалобно раскачивается где-то около пола и мяучит таким голосом, словно по стеклу трет пробкой.

— А ты почему знаешь, что не растет? — возмущается Клава.

— Я все знаю, — отвечает Сережа и крутит хвост котенка штопором.

Замолчали.

По коридору проходит маленькая сонная пауза. Кажется, что у нее длинные бархатные ресницы и огромные теплые уши.

Аэроплан кружит в поле зрения детей.

— Эх, полетать бы, — мечтательно протягивает Сережа.

— А зачем? — осведомляется любопытная женщина Клава.

— Чтобы играть со звездами.

— А с ними нельзя играть, — замечает Клава.

— Почему?

— Они горячие.

Сережа смущенно молчит. Он растерялся, совсем не ожидая этого. Котенок воспользовался ослаблением руки и уплыл под сундук.

Домашняя работница подошла к подоконнику и посадила в горшечную банку семена лимона.

— Это зачем? — спросила Клава.

— Чтобы лимоны выросли, — ответила домашняя работница.

— А если пуговицу посадить, пальто вырастет?

— Пальто? Нет, пальто не вырастет, — ответила, подумав, работница.

— А если якорь посадить, пароход вырастет?

Домашняя работница огрызнулась:

— Некогда мне тут с вами.

И понесла свои калоши на кухню.

Опять молчание прислонилось к ушам. В окне снова появляется аэроплан.

— Когда вырасту большим, — говорит Сережа, — обязательно буду летчиком.

— Так вот и будешь? — усомнилась Клава.

— Так вот и буду, — горячо ответил Сережа. — Залечу высоко, высоко. Там хорошо, и автомобилей нет: никто не задавит. Полечу выше облаков, на звезду.

— Отдохну там, — на солнце.

— А на солнце отдыхать нельзя, — говорит Клава.

— Почему? — удивляется Сережа.

— Оно горячее потому что.

— А паровое отопление тоже горячее, а мы отдыхаем?

— А солнце еще горячее.

А я сяду возле солнца, — не сдастся Сережа.

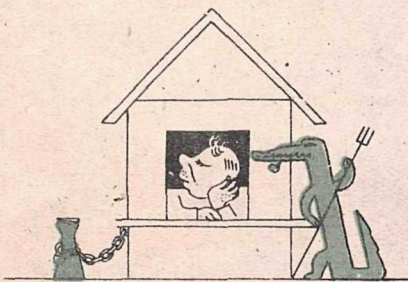
— На что же ты сядешь?

— На воздух.

И опять по коридору проходит пауза с ушами, заткнутыми тишиной.

В. БОРОХВОСТОВ

РАЗРЕШИТЕ СПРАВИТЬСЯ



В каждой системе надо как следует разобраться, — только после этого увидишь и почувствуешь всю ее сложную и несложную механику.

Правда ли, что, после того как соответствующие организации обследовали систему ленинградского Пищеторга, в ней за 1933 год обнаружено растрат и хищений на 110 тысяч рублей?

Как это говорится: торговали — веселились, подсчитали — прослезались. Просим ответить срочно: кто уже прослезился?

Из-за забываемых тупых бритв Мосштампа уже достаточно пролито крови. Теперь Мосштамп начинает портить кровь и небрежущимся.

Правда ли, что на втором заводе Мосштампа лежат недоброкачественные приборы для чинки карандашей на 120 тыс. руб. Шестой завод ватонарен на 196 тыс. руб., при чем только одной медвединой иглой на 60 тыс., а остальная сумма повисла на рыболовных крючках.

Люди не бреются, карандаши не чинятся, иглы не колют, даже рыба — и та не ловится на мосштамповские крючки...

Даже острить не хочется по этому поводу, — до того все тупо.

Это, конечно, очень хорошо, когда кооперация не дает возможности нагреть около себя руки. Но спрашивается, почему Союзтрикотажснабсбыт оставил Донбасс без перчаток на зиму?

Не собирается ли он прислать их только к купальному сезону, а если да, то почему?



АРХИВ-ЗАКУСОЧНАЯ

Обследовали архив Таджикского наркомзема (Сталинабад) и обнаружили, что:

ценнейшие документы и аванс-отчеты на огромные суммы съедены крысами; до 300 писем секретных, уборочных, спешных не вскрыты с 31 г.; остальное в хаотическом состоянии лежит под полом; в комнате архива среди документов найдено несколько бутылок с недопитыми спиртными напитками.

Допускаем, что крысы и спиртное выпивали и делами закусывали, теперь спрашивается, хватит ли у них энергии и нести за это ответственность?

БРАВО, ПЕТУХИ

ОПС Хоринского леспрохоза (Восточная Сибирь) направили закупленных кур в количестве 400 штук к месту назначения по этапу на расстоянии 110 километров.

На полпути 50% кур погибло. Из оставшихся в живых нашлось три нахальных петуха, которые при ночевке в лесу забрались на деревья и категорически отказались слететь утром на землю для продолжения пути.

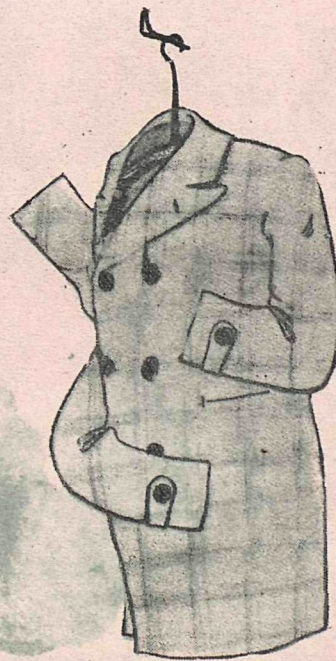
Так и ушли погонщики со стадом кур, оставив бунтовщиков на деревьях.

То-то огорчатся работники ОПС таким неудачным прогоном!

А петухам плевать на них с высокого дерева.

„ЗАШИЛИСЬ“ (Шутка)

Рис. Я. Б.



Щедры ребята Москвошвей И остроумны, как никто, В запарке иногда умея Три рукава пришить к пальто.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Георгиевское райзо (Сев.-Кавк. край) специальным уведомлением уведомило колхоз „Соревнование“, отстоящий от Георгиевска в 75 километрах. „В том, что вам ванажжено 1 кг ковочных гвоздей, каковые должны получить в кратчайший срок в Георгиевском сельхозснабе.“

Зав. райзо Гуртнев. Зоотехник Яковлев“.

Как известно, гвозди имеют ту особенность, что их свойствами определяют высокие качества людей; особенно ярко это сказано в балладе Н. Тихонова:

„Гвозди бы делать из этих людей,
не было б в мире крепче гвоздей“,
а о гвоздях со шляпками у него ничего не сказано. Очень жаль.

НОВОСТИ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Председатель колхоза им. Парижской коммуны (с. Георгиевка, Иловлинского р-на, Н-Волжск. края) Черешнев питает необъяснимую привязанность к покойникам: вдове Суслиной, просившей оплатить трудодни ее умершего мужа, он велел принести доверенность от покойника, а десять других мертвецов он обложил штрафом за... невыход на работу.

В этой „мертвой“ работе непонятно одно: почему, собственно, Черешнев председателем в колхозе, а не на кладбище?

ОБОЖДАТЬ ПРИДЕТСЯ

Пословица говорит:

„На бедного Макара все шишки валятся“.

Совсем иное дело — Макаров. На него никакие шишки не валятся. Макаров — сам себе шишка.

Председатель Дягилевского сельпо тов. Макаров, отпустив заведующего Хиринской лавки т. Воробьева в полторамесячный отпуск, закрыл магазин и вывесил объявление:

„Магазин закрыт на полтора месяца в виду ухода заведующего в отпуск“.

Теперь пайщики ждут нового объявления:

„В виду продления отпуска заведующему выдача продуктов за декабрь с. г. будет производиться в 1949 году“. Когда сам себе шишка, — все возможно!

4545
15/3504

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

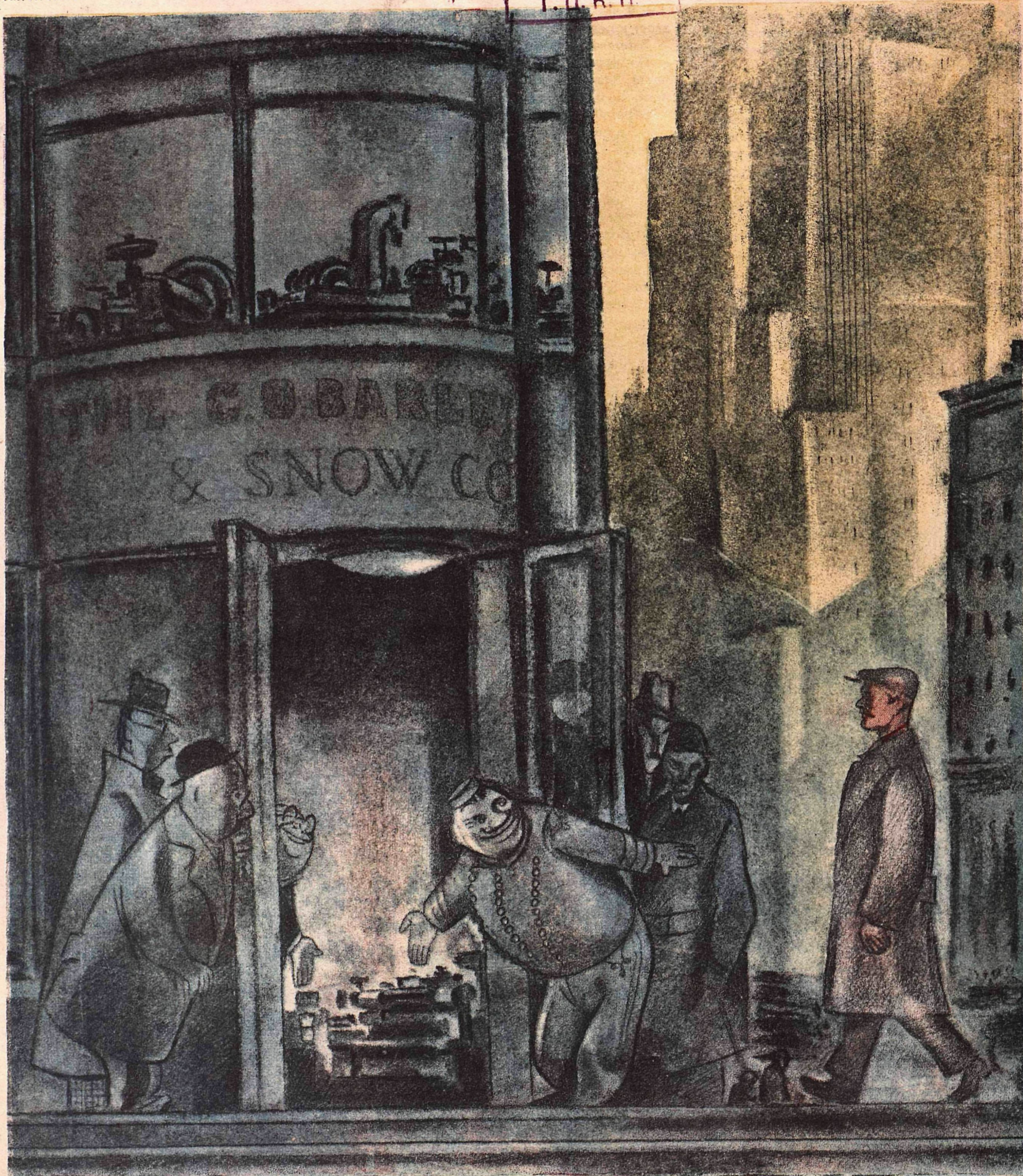
АРХИВ

1 в ФЕВ 1934

Г.Ц.К.П.

Европейские фирмы конкурируют в получении советских заказов, так как СССР является наиболее аккуратным и верным плательщиком.

Рис. Ю. Ганфа



— Пропустите, господа! Смотреть будете после, — сейчас настоящий заказчик идет...

(Тема А. Радакова)

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ. Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ. Рукописи не возвращаются. Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ
 Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48 Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
 Москва. Изд. № 87. Сдача текста и рисунков—20/1-34 г. Подпись к печати — 29/1-34 г. Статформат А9—220×333 Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000
 Уполномоченный Главлита № В — 68642 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суэвский вал, 49. Зак. № 91. Тираж 300.000